

Командиром Правой стражи Фэнчэнь был Хань Цун. Когда Не Сюань еще не взошел на престол, тот служил в Восточном дворце, а после воцарения Не Сюаня Хань Цун пошел на повышение и получил должность генерала Правой стражи Фэнчэнь.

В те времена, когда Не Сюань благоволил к Нин Синчжи, Хань Цун тоже звал его братишкой Нином. Но стоило Не Сюаню перестать обращать на Нин Синчжи внимание, как Хань Цун словно в рот воды набрал и перестал признавать в нем младшего товарища.

Нин Синчжи поднялся на ноги:

— Продолжайте, а я пойду повидаясь с генералом Ханем.

— Мы пойдем с генералом!

Пусть они не обладали выдающейся силой, но если кто-то посмеет обидеть Нин Синчжи, спуску они никому не дадут!

Нин Синчжи невольно усмехнулся:

— Я всего лишь иду навестить генерала Ханя, а не драться.

Стражники молча уставились на Нин Синчжи преданными глазами и не сдвинулись с места ни на шаг.

Нин Синчжи улыбнулся:

— Пойдемте.

Хань Цун мерил шагами площадку у входа. Услышав шум, он повернул голову и увидел Нин Синчжи, за которым целой толпой валили стражники.

Лицо Хань Цун слегка изменилось, и он сурово бросил:

— Нин Синчжи, это еще что значит?

— Генерал, а вы хороши!

Все они были подростками лет пятнадцати-шестнадцати, голоса звучали звонко и уверенно. Специально подпустив в интонации звонкости, они подняли такой гам, что, казалось, небеса содрогнулись.

Парни переглянулись и хором грянули:

— Здравия желаем, генералу Ханю!

— Ничего особенного, — пожал плечами Нин Синчжи. — Просто ребята услышали, что пожаловал генерал Хань, и вышли поздороваться.

Хань Цун отчеканил с издевкой:

— Хоть до небес меня расхваливайте, во время тренировок пощады не ждите!

— А? — Нин Синчжи сделал вид, будто озадачен, и повернулся к стражникам: — Чего же вы с генералом Ханем не поздоровались?

Хань Цун нарочно выделил голосом слово «прислуживать». Услышав это, стражники за спиной Нин Синчжи дружно переглянулись с тревогой на лицах: знали бы они, что так выйдет, ни за что не стали бы выходить вместе с ним, лишь навлекли на Нин Синчжи неприятности.

Ван Фуси покачал головой:

— Разве мне ведомы мысли Его Величества? — Он взял Нин Синчжи за запястье и, потянув за собой в сторону Бокового чертога, понизил голос: — Молодой господин, на сердце у Вашего Величества затаилась обида, вы уж проявите терпение. На самом деле в душе он относится к вам совсем иначе.

— Никакой пощады! Мы вас, генерал, ни за что не подведем!

Заметив это, стражники на мгновение замерли, а затем разразились хором раскатистого смеха. Хань Цуну этот смех показался до того неприятным, что едва он сделал пару шагов, как споткнулся от злости и чуть не рухнул на землю.

— Ты! — Хань Цун свирепо уставился на Нин Синчжи. Это они с ним так здоровались или решили сразу показать свою силу?

— Ладно, расходимся, возвращаемся к делу, — Нин Синчжи махнул рукой и повел всех обратно в гарнизон. После этой стычки ребята стали куда ближе к Нин Синчжи, да и смелости у них прибавилось.

— Надо же, у них впервые вид обломался, до чего же славно!

Лицо Хань Цун помрачнело еще сильнее, но, вспомнив цель своего визита, он слегка смягчился. Расправив плечи и вскинув подбородок, он громко объявил:

— Велено передать: отныне Ваше Величество требует, чтобы ты жил во дворце, так будет сподручнее прислуживать!

Выражение лица Нин Синчжи не изменилось, на губах заиграла легкая улыбка, и он ответил:

— Видимо, генерал Хань не справляется с обязанностями.

Нин Синчжи больше не стал задерживаться с ними, зашел к себе переодеться и отправился в

императорский дворец.

— Ах ты! — Хань Цун никак не ожидал от Нин Синчжи такой бесстыдной наглости. Ему безумно хотелось высказать всё начистоту, но разве посмел бы он за глаза обсуждать повелителя? В конце концов ему оставалось лишь злобно взмахнуть рукавом и удалиться.

— Генерал...

В Зале Цзычэнь Нин Синчжи поджидал Ван Фуси. Увидев, что тот явился с пустыми руками, евнух поинтересовался:

— Почему ничего с собой не захватил? — А затем добавил: — Впрочем, неважно, я велю все обустроить. Пойдемте, сперва покажу вам ваши покои.

Хвалебные речи не смолкали ни на минуту. Нин Синчжи внезапно остановился, обвел взглядом присутствующих, и те мгновенно умолкли.

— Почтеннейший, — Нин Синчжи придержал Ван Фуси за рукав и бросил взгляд в сторону главного зала. — Зачем понадобилось Его Величеству переселять меня во дворец?

Нин Синчжи ничего не ответил. Ему не доводилось видеть, как Не Сюань обращается с другими, а потому он не мог судить, в чем же заключалась та самая особая разница.

Заметив, что Нин Синчжи молчит, Ван Фуси вздохнул. Он никак не мог взять в толк, куда же подевался тот взбалмошный парнишка из прошлой жизни, у которого на душе никогда ничего не задерживалось, и во что он превратился теперь.

Приведя Нин Синчжи в Боковой чертог, Ван Фуси произнес:

— Отныне это покои молодого господина. Чего будет не хватать — смело обращайтесь ко мне.

— Благодарю за хлопоты, почтеннейший.

Ван Фуси махнул рукой:

— Не стоит таких слов, молодой господин, пойдемте, я провожу вас к Его Величеству.

Не Сюань только утром измотал его до предела, а теперь снова вызывает неизвестно зачем. Поколебавшись немного, Нин Синчжи все же последовал за Ван Фуси в главный зал: пусть лучше Не Сюань выплеснет злость, чем носит ее в себе.

В просторном зале ярко горели светильники, но слуг почти не осталось. Как только Нин Синчжи переступил порог, все присутствующие тут же удалились.

Не Сюань восседал за императорским столом, заваленном свитками. Заметив вошедшего Нин

Синчжи, он толкнул стопку свитков вперед:

— Художники прислали портреты девиц из знатных семейств столицы. В последнее время при дворе только и слышно, что призывы расширить гарем. Почему бы тебе самому не помочь Мне с выбором?

В груди у Нин Синчжи тяжело сжалось, губы плотно сжались в тонкую линию. Он с напускным безразличием подошел ближе и развернул свиток. Между ним и Не Сюанем изначально не могло быть никакого будущего; возможность находиться рядом уже казалась величайшим благословением в этой жизни, так смел ли он мечтать о преданности на двоих до конца дней? К тому же, будучи наследным принцем, Не Сюань давно обзавелся женой и наследником, а их связь с Не Сюанем, если пересказать ее посторонним, — не более чем мимолетная любовная интрижка императора.

На свитке красовалась девушка стройного стана, мягкого и нежного нрава — по одному ее виду угадывалось благородное происхождение, она идеально подходила на роль наложницы.

Отложив его в сторону, Нин Синчжи развернул следующий.

Тщательно изучив свыше десятка свитков со стола правителя, он разложил их по стопкам и пододвинул несколько штук к Не Сюаню:

— Эти юные девы обладают прекрасной внешностью и утонченным нравом, их вполне можно принять во дворец.

Пока Нин Синчжи говорил, Не Сюань неотрывно смотрел на его лицо. Напускное спокойствие собеседника, в котором не читалось ни скорби, ни радости, вдруг вызвало у императора глухое раздражение.

Он поднялся из-за стола и шагнул к Нин Синчжи:

— Нин Синчжи, ты и вправду любишь Меня?

Нин Синчжи опустил глаза, в груди защипало от горькой боли. Разве стал бы он терпеть унижения от Не Сюаня, если бы не любил?

Не дожидаясь ответа, Не Сюань с силой ткнул его пальцем в грудь и процедил по слогам:

— Нин Синчжи, да ты же чудовище без сердца.

Нин Синчжи лишь слегка поджал пальцы, не позволяя эмоциям прорваться наружу.

— Вон во двор и встань на колени, не желаю тебя видеть.

Не Сюань отвернулся, отказываясь смотреть на него. Как только Нин Синчжи вышел, он со

злостью смахнул со стола все свитки на пол.

Услышав шум, Ван Фуси поспешно вошел внутрь. Окинув взглядом разбросанные свитки, а затем фигуру на коленях посреди площади, он смог лишь тяжело и безнадежно вздохнуть.

Нин Синчжи стоял на коленях на открытой площадке перед главным залом. Мимо то и дело сновали дозорные стражники — среди них попадались как излевой стражи Фэнчэнь, так и из Правой.

Насмешки и издевки не стихали ни на минуту, но Нин Синчжи казался глух к ним. Он держал спину прямо, взгляд его был устремлен вперед, однако в глазах потухли всякие краски.

После кончины покойной императрицы они с Не Сюанем угодовали в безвыходный тупик. Он знал: стоило ему объясниться с Не Сюанем, как тот, возможно, простил бы его. Но он не мог и не имел права раскрывать правду, оставалось лишь позволить ненависти в сердце Не Сюаня расти дальше, позволяя тому калечить себя снова и снова.

Ночью небо, еще недавно ясное, вдруг затянулось густыми тучами, загремел грозовой раскат.

Погода в июне изменчива: ясный день в мгновение ока сменяется ливнем.

Ван Фуси растирал тушь рядом с императорским столом и то и дело поглядывал на улицу. Видя, что вот-вот развергнется буря, он не удержался от уговоров:

— Молодой господин только оправился от тяжелых ран, его организм еще так слаб... Глядишь, хлынет ливень, может, лучше...

Не Сюань холодно посмотрел на него, и евнух мгновенно умолк.

Не прошло и мгновения, как за окном завыл свирепый ветер, разметав бумаги на столе, и слуги бросились затворять ставни.

Не Сюань бросил короткий взгляд в сторону, отвел глаза, но строчки в докладах больше не задерживались в его голове.

Едва стих шквалистый ветер, как разразился яростный ливень. Бросив доклад на стол, Не Сюань подошел к окну и приоткрыл створку на палец.

Через узкую щель он разглядел одинокую темную фигуру, по-прежнему неподвижно стоявшую на коленях посреди двора. Несмотря на хлеставшие потоки дождя, спина оставалась прямой — всё такой же упрямый, негибачаемый человек, не желающий признавать ошибок.

Заметив, что Не Сюань наблюдает за Нин Синчжи, Ван Фуси даже обрадовался: он уж было подумал, что государь сжалится и позовет того назад. Но не тут-то было — император внезапно разжал пальцы, створка захлопнулась сама собой, и он молча вернулся за рабочий стол.

Взгляд Нин Синчжи переместился на ту самую оконную створку, которую только что приоткрыл Не Сюань. Долго продержав ее в поле зрения, он медленно отвел глаза и горько усмехнулся про себя: чего он, собственно, ждал все это время?

Дождь лил не переставая, вымочив Нин Синчжи до нитки.

Его тело качнулось, перед глазами все поплыло. Опершись руками о землю, он согнулся в пояснице, но легче не становилось.

С тех пор как он получил ранение, справляясь с Князем Чэн, его здоровье, казалось, сильно пошатнулось. Он стал легко поддаваться хворям, а теперь вот не выдержал даже обычного ливня.

Когда Нин Синчжи пришел в себя, он уже лежал в Боковом чертоге, а у изгороди дежурил Ван Сяошунь.

Заметив, что Нин Синчжи очнулся, парень стремглав бросился наружу и мгновенно вернулся с пиалой черного, источающего густой запах отвара:

— Господин, выпейте лекарство.

Нин Синчжи кое-как приподнялся, каждый выдох обжигал горло жаром. Приняв пиалу, он осушил ее единым духом, немного перевел дыхание и тут же попытался встать.

— Господин, куда вы собрались? — испуганно заслонил ему дорогу Ван Сяошунь.

— Я еще не до конца разобрался с делами в гарнизоне, надо вернуться.

— Вы же горячее в лихорадке! — всполошился тот.

— Пустяки, всего лишь жар, ерунда.

Нин Синчжи поднялся на ноги, и в тот же миг в глазах потемнело от головокружения.

Ван Сяошунь вовремя поддержал его, а на глаза навернулись слезы:

— Господин, лекарь сказал, что ваш организм сильно истощен и требует долгого восстановления. Если вы не станете беречь себя, то совсем загубите здоровье.

Нин Синчжи тяжело вздохнул: он ведь только-только появился в гарнизоне, даже толком влиться в службу не успел, как снова оказался заперт здесь.

На этот раз простуда затянулась дней на пять, и лишь по выздоровлении Нин Синчжи поспешил выбраться из дворца обратно в гарнизон.

У ворот гарнизона стражники выстроились в ровный строй, и от прежней унылости не осталось и следа.

Завидев Нин Синчжи, они радостно засияли:

— Генерал!

Нин Синчжи невольно поддался их настрою и улыбнулся:

— Похоже, в мое отсутствие вы вели себя примерно.

Юноши тут же залились краской и смущенно заскребли в затылках: многие из них дома числились золотой молодежью, привыкнув слышать в свой адрес лишь упреки в никчемности, и редко когда удостоивались похвалы.

Смущенно помолчав, один из стражников вдруг вспомнил:

— Ах да, генерал! Эти дни к вам все допытывался некий Дуань И.

Слухи о нем уже давно ходили по всему Сицзину, а возможно, докатились и до слухов его матери. Если Дуань И явился сюда лично, то сохранить всё в тайне вряд ли удастся.

Нин Синчжи на мгновение задумался:

— Я понял.

— Он сейчас в самом гарнизоне.

— Что? — Нин Синчжи невольно повысил голос.

Стражник, не понимая, в чем провинился, растерянно повторил:

— Дуань И ждет в гарнизоне, а Цзи Сю сопровождает его.

Нин Синчжи глубоко вздохнул:

— А что, если я скажу, что вовсе не знаю никакого Дуань И?

— А?

— Гарнизон — место режимное, меня не было на месте, с какой стати вы позволили постороннему беспрепятственно войти внутрь? Вдруг он лазутчик?

Все переглянулись и вмиг потеряли дар речи.

В этот самый момент из глубины двора донесся отчетливый голос:

— Кто это тут лазутчик?

<http://bllate.org/book/22060/2293776>